

Небесный протокол

Мариам Алавердян

18+

Мариам Алексеевна Алавердян

Небесный протокол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73226268

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где умерла река, в полузатопленном храме собираются семеро, чтобы пройти последний суд – суд над самими собой. Их грехи оживут в зеркалах, крови, стихах и пламени. Их молчание станет криком. Их оправданий не услышит никто – только Хроникёр, фиксирующий протокол падения.

Философская притча о том, как мы сами строим себе ад – и навеки в нём остаёмся.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ПРАВИЛА ПРОТОКОЛА	7
Глава первая. Приглашение на исповедь	9
Глава вторая. Зеркала Саломеи	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мариам Алавердян Небесный протокол

«Совесть – это Бог, присутствующий в человеке.

А молчание совести – есть первый признак духовной смерти»

Ф.М. Достоевский

Ростов-на-Дону,
2026

ПРОЛОГ

«Город, как и человек, имеет свою душу.

И умирает так же – не сразу, а по частям, начиная с тишины»

Хроникёр

Было время, когда город N дышал полной грудью. Река была не водной артерией, а пульсом – весной буйным и полноводным, летом ленивым и тёплым. По утрам с её берегов доносился смех купающихся детей и стук вёсел рыбацких лодок. Запах влажного песка, ивняка и свежего хлеба из булочной на Соборной площади смешивался в особый, неуловимый аромат дома.

Собор Святого Михаила стоял не стражем, а сердцем. Его колокол по воскресеньям не звонил, а пел, и звук плыл над крышами, заставляя прохожих на минуту замедлить шаг. Под его сводами венчались, крестили детей, ставили свечи «о здравии» и «за упокой» – здесь отмечали круговорот жизни, а не наблюдали её остановку.

А потом в городе начали появляться тихие, незаметные трещины. Не в асфальте, а в душах. Сначала это были мелочи: сосед перестал здороваться, продавщица в лавке – улыбаться, дети на улице играли всё тише. Потом река стала мелеть и темнеть, будто в неё стекали не дождевые воды, а все невысказанные обиды и равнодушие. Колокол умолк – сна-

чала по будням, потом и в воскресенье. Говорили, что нет средств на звонаря. Но правда была в том, что не стало слушателей.

Город не погиб в огне или от мора. Он сделал это сам. Медленно. Без шума. Уткнувшись в ил под ногами и забыв посмотреть на звёзды.

ПРАВИЛА ПРОТОКОЛА

Они ещё не вошли. Они стояли у дверей, и в этот момент тишина вокруг сгустилась, стала ощутимой, как бархатная пелена. И из этой тишины родился Голос. Без источника, без эха. Он звучал не в ушах, а прямо в сознании, обходя слух.

«Внимайте. Вы призваны не судом людским и не карой небесной. Вы призваны Протоколом. Протокол – это не список преступлений. Это карта вашего отступления от самих себя. Здесь не будет палачей, кроме вашей памяти. Не будет свидетелей, кроме вашей совести. Каждому будет дан шанс – услышать эхо своего выбора и увидеть тень утраченной жизни. Молчание здесь – соучастие. Оправдание – самообман. Единственная валюта – правда. Полная, без прикрас, вывернутая наизнанку. Цель – не наказать. Цель – зафиксировать. Чтобы в летописи падений не осталось белых пятен. Начинается запись. Шестого ноября. Год одна тысяча девятьсот девяносто пятый. Место – точка невозврата».

Голос умолк так же внезапно, как и появился. Никто не закричал, не запротестовал. Шок был слишком глубоким. Только Каиафа, машинально сжимая в кармане чётки, прошептал, больше себе:

– Летопись падений... Значит, мы уже не люди, а страницы. Страницы, которые нельзя переписать.

– Или главы, – с горькой усмешкой добавил Мефисто-

фель, первым делая шаг к уже открывающимся дверям. –
Вперед, коллеги. Наше бессмертие начинается.

Глава первая.

Приглашение на исповедь

*«Мы все идём ко дну, но одни – глядя на звёзды,
а другие – уткнувшись в ил под ногами»*

Оскар Уайльд

Город N медленно умирал. Не от войны, не от мора, а от тихой, методичной болезни души. Река, что столетиями несла свои воды через его сердце, стояла теперь неподвижной черной гладью, словно зеркало, отражающее только низкое свинцовое небо. А на ее берегу, полузатопленный, стоял собор Святого Михаила – некогда белокаменное чудо, а ныне

призрак, уходящий в воду, как корабль, принявший последнюю волну.

Именно в этот собор в ночь на седьмое ноября пришли семеро. Никто их не звал – по крайней мере, голосом. Но каждый слышал зов внутри: неотступный, тихий, как шелест перелистываемых страниц в пустой библиотеке. Они пришли разными дорогами, в разное время, но оказались у тяжелых дубовых дверей одновременно – ровно в полночь.

Луна, бледная и холодная, как монета на дне колодца, освещала их лица. Здесь была Саломея, реставратор, чьи руки помнили каждый мазок фресок собора – именем той, что просила голову пророка, но здесь жаждавшая совершенства, а не крови. Доктор Фауст, продавший не душу дьяволу, а чужую жизнь за акции и расчет. Поэт Клавдий – как король из «Гамлета», укравший трон и слова, отравивший источник вдохновения. Архитектор Нимрод – библейский строитель Вавилонской башни, стремившийся перестроить мир по своему чертежу. Госпожа Бовари – та, что сбегала от реальности в романы, создавая параллельные жизни. Критик Мефистофель – не искунитель плоти, но растлитель духа, сеющий цинизм вместо веры. И первосвященник Каиафа – тот, кто знал правду, но предпочел «благо порядка» вмешательству, молча наблюдая за распятием душ.

– Странное место для встречи, – сказал Фауст, поправляя очки. Его голос прозвучал неестественно громко в мертвой тишине набережной.

– Не мы выбрали это место, – отозвалась Саломея, не отрывая взгляда от черной воды. – Оно выбрало нас.

Нимрод тяжело вздохнул:

– Я проектировал эту набережку двадцать лет назад. Вода тогда была чистой. Дети купались.

– Дети купаются и сейчас, – холодно заметил Мефистофель. – Только в иллюзиях и самообмане.

Бовари нервно теребила прядь волос:

– Может, это чья-то шутка? Или... спектакль? Я ведь играла когда-то в театре...

– Это не спектакль, – тихо сказал Каиафа. – Это что-то другое.

Клавдий закурил, руки его слегка дрожали:

– Я написал бы об этом стихи, если бы... если бы еще мог писать.

Двери собора открылись сами – без скрипа, без усилия. За ними была не тьма, а странное мерцание: вода, заполнившая храм по колено, отражала слабый свет, казалось, исходящий от самих стен.

– Идем? – неуверенно спросил Фауст.

– Разве у нас есть выбор? – ответил Мефистофель и первым шагнул внутрь.

Они вошли по одному. Вода была теплой, как кровь.

Когда последний – Каиафа – переступил порог, двери закрылись. Не захлопнулись, а просто стали стеной, как будто их никогда и не было.

В воздухе повисла тишина, которую нарушил шепот, исходивший, казалось, отовсюду и ниоткуда одновременно:

– Добро пожаловать на исповедь.

Саломея обернулась к остальным, глаза ее были широко раскрыты:

– Вы тоже слышали?

Все молча кивнули.

– Тогда начинается, – прошептал Каиафа и перекрестился движением, которое давно уже стало механическим, лишенным веры.

– Начинается то, чего мы все боялись, даже не зная имени этому страху.

Глава вторая. Зеркала Саломеи

«Тщеславие заставляет нас делать то, что противно нашим склонностям, чтобы только говорить о себе»

Франсуа де Ларошфуко

Саломея пошла первой. Не потому что была смелее, а потому что узнала здесь каждый камень. Она годами реставрировала фрески собора, и под ее кистью лики святых обретали – как ей казалось – совершенство. Теперь она шла к алтарю, и под ее ногами хрустели кусочки штукатурки, отпавшие со стен.

«Я делала их прекрасными», – сказала она вслух, и голос ее разнесся под сводами, вернувшись эхом: «Пре-крас-ны-ми...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.